

*Посвящается Энн Риччи,
чья поддержка в последние несколько лет
была неизменной.
Ты отважилась воплотить свои мечты в жизнь,
тем самым вдохновив меня
и заслужив мою искреннюю благодарность.*

Пролог

29 мая 1810 года

Лондон, Мейфэр

— За счастливых молодоженов! — провозгласил Томас, граф Рокхерст, поднимая бокал.

— За счастливых молодоженов! — хором повторили собравшиеся гости.

Продолжая высоко поднимать бокал, граф обвел взглядом комнату. Леди Гермиона Марлоу немедленно приняла позу, которая, по ее мнению, должна была непременно привлечь его внимание, ведь не зря она все утро потратила на то, чтобы выбрать самое красивое платье, ибо не каждый день женится твой брат, просивший графа быть его шафером.

В полной уверенности, что светло-оранжевый шелк наверняка бросится Рокхерсту в глаза, Гермиона слегка наклонила голову, подперла рукой подбородок и призывно уставилась на графа. Не счесть, сколько раз она упражнялась перед зеркалом, прежде чем решиться продемонстрировать это графу!

Нет, в самом деле, как он может ее не заметить?!

— Минни, тебе нехорошо? — спросила двенадцатилетняя сестра Гермионы леди Виола Марлоу, встревоженно оглядывая ее. — О да, это ужасное платье! Цвет настурции тебе совершенно не к лицу!

— Это не настурция, а ноготки!

— Настурция, ноготки, какая разница? Скажем просто: оранжевый! И в нем у тебя абсолютно нездоровый вид!

Гермиона поежилась. Что может знать о моде двенадцатилетняя девчонка? Оранжевый, видите ли! И разве можно принять необходимую позу, когда тебя поминутно отвлекают?!

— Этот цвет — моя визитная карточка.

— А по-моему, твой полный крах в обществе! — Ви снова оглядела платье и содрогнулась. — В прошлом сезоне ты говорила то же самое о зеленом, в котором смотрелась так, словно только что перенесла чуму! Неудивительно, что тебе сделали всего одно предложение!

— Тогда был не зеленый, — поправила Гермиона, — а фисташковый. И мне сделали два предложения.

Ви покачала головой и с лукавой улыбкой проследила за направлением взгляда Гермионы.

— Теперь понимаю. Оранжевый тут ни при чем. Это из-за графа у тебя такой бледный вид.

Гермиона сжалась. Все правда. Ее охватывало странное волнение, едва она только оказывалась в непосредственной близости от графа. А тут еще Виола, от которой не дождешься ни понимания, ни сочувствия!

— Кстати, тебе известно, что в подобной позе у тебя глаза кажутся косыми?

Косыми?!

Гермиона вздрогнула. Что-что, а уж глаза у нее точно не косые!

— И можешь расслабиться, — ухмыльнулась Виола. — Рокхерст не смотрит в нашу сторону.

Гермиона украдкой взглянула на графа и обнаружила, что тот увлечен беседой с лордом Боксли.

— О, черт возьми! — тихо выругалась она.

— Не понимаю, почему ты так безумно влюблена в Рокхерста? Он даже не знает о твоём существовании, —

не унималась Виола, по-видимому, твердо решившая известить сестру. — И не узнает, если будешь продолжать держаться в тени, как увядшая старая дева!

Отчаянно стараясь игнорировать сестру, Гермiona приняла новую позу, более смелую, чем предыдущая, но так и не произвела впечатления...

— Хочешь, я его приведу? Ради тебя я это сделаю! — Глаза Виолы коварно блестели. Откашлявшись, она откинула волосы с лица. — Мой дорогой лорд Рокхерст, могу я представить вам старшую сестру, леди Гермiony Марлоу, которая, как выяснилось, давно и безнадежно влюблена в вас настолько, что готова с радостью броситься под колеса вашего экипажа, лишь бы завоевать ваше расположение? — Виола секунду помедлила, барабанила пальцами по дрожащим от смеха губам. — Она даже не боится, что после этого станет совсем плоской и совершенно непривлекательной!

О чем только думала их мать, позволив Виоле остаться внизу и свободно гулять среди гостей?! Эта негодница вполне способна сказать или сделать что-то, что наверняка навлечет позор на всю семью! Именно это она и проделывала в данный момент. Но, к всевозрастающей досаде Гермiony, Ви продолжала высказываться:

— Лично я нахожу графа просто отвратительным. Уж очень он походит на одного из вечно хандрящих парней из дурацких французских романов, которые так обожает мама. Зато у него чудесный пес! Как там его зовут?

— Роуэн, — подсказала Гермiona. За последнее время она стала настоящим экспертом во всем, что касалось графа Рокхерста.

— Роуэн, — повторила Ви. — Пойду-ка я вниз, спрошу, может, у кухарки найдется лишняя кость для такой лапочки, как Роуэн. Вот у него благородный вид. Куда благороднее, чем у графа. И он намного красивее!

Гермiona метнула косой взгляд на сестру.

— Ты сравниваешь графа Рокхерста с его волкодавом? — Нет, это невыносимо! И в самом деле, что может девочка ее лет знать о подобных вещах?! — Позволь заметить, что граф Рокхерст — первый красавец в Лондоне! — выпалила она, но тут же прикусила язык и поклялась сохранять уже принятую позу, несмотря на раздражающее присутствие Виолы, которая продолжала торчать у стула сестры со стальной решимостью тауэрского бифитера*.

И все же долго Гермiona не выдержала:

— Ви, кажется, гувернантка тебя ищет! Или мне сказать маме, что ты выводишь из себя гостей и тебя следует отправить наверх, где тебе самое место?!

Виола, ничуть не встревоженная угрозами сестры, вздохнула:

— Не пойму, почему бы тебе не выйти замуж за Хастингса и разом не покончить со всем этим?

Выйти за Хастингса? Да, конечно, мать каждое утро твердила то же самое, но лорд Хастингс?! Конечно, про молодого барона нельзя сказать ничего дурного, кроме того, что он... не он!

Гермiona сурово оглядела младшую сестру в напрасной надежде немного ее усмирить:

— Оставь меня в покое!

— Не могу. — Девочка кивнула в сторону стола с большой чашей для пунша посередине. — Меня прислала мама. Просила последить, чтобы кузина Флоринда больше не пила шампанского. Она и так уже под мухой. Еще немного — и, вскочив на стол, запоет «Shule Aroon»**.

— Под мухой? Страшно подумать, что скажет мама, если услышит подобное выражение из твоих уст! Где ты его подхватила?

* Страж лондонского Тауэра. — Здесь и далее *примеч. пер.*

** Ирландская народная песня.

— От тебя! — самодовольно сообщила Ви. — Только вчера ты сама говорила Индии Бакстон, что Гриффин вечно приходит домой под мухой, и...

— Да-да, можешь не продолжать, — поспешно перебила Гермiona.

— Вот это и называется «под мухой», верно? — спросила Виола, кивая в сторону кухни Флоринды, правившей бал у заветной чаши с пуншем: в каждой руке по полупустому бокалу, шляпка лихо съехала на ухо, а ее хозяйка раскачивается взад-вперед, не обращая внимания на то, что шерри вот-вот выплеснется на пол.

— К несчастью, да, — согласилась Гермiona, от всей души желая, чтобы Флоринда была чьей-то другой кухней.

Иногда ей казалось, что принадлежать к семейству Марлоу — тяжелое испытание...

Словно услышав безмолвный призыв о помощи, их мать, графиня Уолбрук, ринулась к дочерям через всю комнату. По пути она еще успевала направо-налево раздавать воздушные поцелуи подругам и приятельницам. Ничего не скажешь, пусть леди Уолбрук не урожденная Марлоу, но иногда кажется, что именно она ревностнее всех блюдет честь семьи.

— Дорогие, вот вы где! — воскликнула она, направляясь к дочерям.

Настроение графини было лучше некуда, и почему бы нет? Дом полон гостей, сын женился, и оставалось пристроить всего четверых детей!

— Такой счастливый день! Жаль только, что вашего отца здесь нет. Но смею сказать, он всем сердцем одобрил бы Шарлотту!

Лорд Уолбрук покинул дом и семью десять лет назад, отправившись в научную экспедицию по южным морям. Время от времени они получали письма и посылки с различными подарками и сувенирами, но постепенно дети стали его забывать. Для них он становился скорее чужим

человеком, чем членом семьи, хотя графиня относилась к отсутствию мужа так, словно тот просто завернул за угол в табачную лавку.

Леди Уолбрук махнула рукой проходившей мимо баронессе, после чего вновь обернулась к дочерям:

— Что это с тобой, Гермiona? У тебя совершенно желтое лицо!

— Оранжевое, — поправила Ви.

Гермиона проигнорировала сестру, которая скорее всего бросила на нее свой печально-знаменитый взгляд из разряда «я-же-тебе-говорила!».

— Я здорова, тапан, — заверила она, употребив французское обращение, которое предпочитала мать.

Графиня огляделась.

— Но при таком ужасном освещении ты кажешься древней старухой! Немедленно выходи из этого темного угла и дай гостям полюбоваться на тебя! И ты тоже, Виола. Пообщайтесь с гостями. И не волнуйтесь насчет кухни Флоринды. Она перешла на шерри, а все мы знаем, что в этом случае она никогда не поет.

— Не поет. Зато начинает флиртовать с мужчинами вдвое ее моложе, — пробормотала Гермiona себе под нос.

— Что ты сказала, Минни? — переспросила мать в своей обычной рассеянной манере. — Я отвлеклась, пыталась определить, что сует в карманы дядя Хауэл. Он стоит у буфета и набивает карманы не то окороком, не то столовым серебром.

— По-моему, и тем и другим, — заметила Ви.

Леди Уолбрук пожала плечами.

— Разве в такой давке можно понять всю степень грехов дяди Хауэла, находясь на противоположной стороне комнаты? Какая удача для Себастьяна и нашей милой, дорогой Шарлотты! Столько людей пришли пожелать им счастья!

Виола согласно кивнула.

— Но, мама, не следует ли вам позаботиться о нашем серебре? Здесь столько незнакомых людей! Всего несколько минут назад я видела невероятно странную пару...

— Дражайшее дитя, — перебила мать, подталкивая дочерей вперед: мимо как раз проходили лорд Хастингс с матерью, — мы не называем наших гостей странными: тем более что большинство — наши родственники. Хотя лично я никогда не могла понять, откуда родичи твоего отца узнают, что кладовая открыта и пробки из бочонков с шерри выбиты. Сразу же начинается настоящее нашествие на наш несчастный дом. Они врываются сюда буквально ордами. Но мы должны быть гостеприимными. — Она снова и не слишком деликатно подтолкнула дочерей в самую гущу толпы. — Улыбайтесь, девочки, сегодня у нас праздник. — И леди Уолбрук пошла прочь, кивая и раскланиваясь с каждым встречным.

— Рокхерст вон там, а лорд Хастингс в другом конце, — прошептала Виола. — Иди к графу, а я на кухню поискать кость для Роуэна.

«Если только дядюшка Хауэл не добрался туда первым и не прикарманил все кости», — подумала Гермиона. Украдкой бросив еще один взгляд в направлении графа, она поспешила к подругам — мисс Индии Бакстон и леди Томасин Уинсли. По крайней мере у них она найдет сочувствие и понимание. Они по достоинству оценят и заученные позы, и платье цвета ноготков!

Но стоило сделать шаг, как под подошву туфельки попало что-то твердое. Кольцо!

Гермиона нагнулась и подняла находку. Это кольцо она уже где-то видела раньше!

И тут она вспомнила. Да это же кольцо Шарлотты! То самое, которое подруга всего две недели назад унаследовала от двоюродной бабки!

Представив, как огорчилась бы Шарлотта, потеряв кольцо, Гермиона поспешно надела его на палец. Отдаст попозже.

Глубоко вздохнув, Гермиона дрожащими руками расправила юбку. И рассеянно отметила, что ее трясет как в ознобе. Истинная причина понятна: если она сейчас подойдет к Шарлотте, значит, столкнется лицом к лицу с Рокхерстом, оживленно болтавшим с новобрачными.

Гермиона видела, как он произносит очередной тост за счастье Себастьяна и Шарлотты. И ничего не могла поделать с собой. От безумного желания сердце колотилось в груди.

Как она хотела его! Видела во сне. Мечтала, как не следовало мечтать ни одной хорошо воспитанной девушке. Но она мечтала. И даже не обращала внимания на все издевки Виолы насчет ее увлечения.

Снова взглянув на графа Рокхерста, Гермиона набрала воздуха в легкие и решительно шагнула к нему: «О, если бы только... о, как я хочу...»

Но тут в ее восторженные грезы вторгся удар реальности, заставивший Гермиону забыть обо всем.

— Вот бы оказаться мне на том холме... — разливался жизнерадостный голос с ирландским выговором.

Кузина Флоринда!

Гермиона тихо выругалась. Значит, она снова взялась за шампанское! Если не поторопиться, Флоринда закончит «Shule Aroon» и примется за свою любимую песенку о пьяном шотландце и его килте.

Бросив последний взгляд на точеные черты лица и широкие плечи графа, Гермиона вздохнула и направилась к кухне.

А тем временем ее невысказанное желание повисло в воздухе, трепеща и ожидая, чтобы его договорили, но этому не суждено было случиться.

Пока не суждено.

Знай она о силе, готовой вот-вот вырваться на свободу, тут же забыла бы о кузине Флоринде и о том, что та собирается петь. Стояла бы на месте и очень тщательно формулировала желание, которое должно было немедленно исполниться. Но Гермiona была истинной Марлоу. И ее желание было рождено той же страстной натурой, которую унаследовала кузина Флоринда, опрокидывавшая бокал за бокалом и развлекавшая толпу очередным куплетом:

Желаю я, желаю я, желаю я напрасно,
Быть с ним ежеминутно, ежечасно!..

Глава 1

Прибытие графа Рокхерста в «Олмак» на следующий вечер вызвало нечто вроде паники среди остальных гостей. Разумеется, у него оказалось необходимое поручительство. У него в распоряжении всегда оказывалось необходимое поручительство. А почему бы нет? Он обладал состоянием Мидаса, и если этого было недостаточно, чтобы заслужить благосклонность дам-патронесс, то красивое лицо и дерзкий вид пользовались всеобщим восхищением. Но самое главное — он был холостяком. Не одна мамаша незамужней дочери считала, что неженатый, не имеющий наследников граф — воистину преступление против природы.

Впрочем, эти жалобы далеко не всегда относились к лорду Рокхерсту: слишком хорошо была известна его репутация — репутация человека, увлекавшегося дорожными куртизанками и игрой по высоким ставкам. Репутация завсегдатая злых мест и самых гнусных борделей Лондона.

— Для того чтобы скрутить его в бараний рог, — заметила как-то одна из матрон, — нужна женщина необыкновенная. Женщина, которая затронет его черное, бесчувственное сердце.

И вот граф появился в «Олмаке», то есть едва ли не объявил вслух о своем намерении искать жену. Иначе

с чего бы богатому холостому аристократу посещать балы, которые даются в «Олмаке» по средам?

Привыкший к слухам, вечно его сопровождавшим, Рокхерст почти не обратил внимания на суматоху, вызванную его прибытием, тем более что, к своему изумлению, увидел свою кузину мисс Мэри Кендалл и сразу же протянул руку. Мэри автоматически положила ладонь на его рукав.

— Кузина, что ты здесь делаешь? — осведомился граф, осматриваясь.

— Могу задать тебе тот же самый вопрос, — ответила она. — В самом деле, Рокхерст! Предупреждай, прежде чем снова соберешься в «Олмак»!

Граф еще раз огляделся и изумленно моргнул:

— «Олмак»? Это так называется, — пробормотал он, ощупывая нагрудный карман. — А я-то считал, что у меня билеты на сегодняшний балет. Напомни мне завтра задать трепку Танстоллу за то, что направил меня по неверному адресу.

— Солнце еще не зашло, — заметила Мэри. — Уверена, что, увидев здание, ты понял, куда приехал.

Но граф как ни в чем не бывало расплылся в улыбке:

— Я до своего последнего часа буду настаивать на том, что во всем виноват Танстолл. Или... до его последнего часа.

— Бедняга Танстолл! — вздохнула Мэри. — Поразительно, как это его не хватил удар, когда ты велел ему ехать сюда, а не в одно из своих любимых местечек.

— Ах, Мэри, Мэри. По-прежнему прямолинейна и откровенна! Именно за эти качества я обожаю тебя сильнее, чем всех остальных родственников.

— Поскольку под остальными ты подразумеваешь тетю Ратледж, не могу сказать, что очень уж польщена твоей благосклонностью.

Рокхерст рассмеялся. Его кузина была одной из немногих, не преклонявшихся перед его титулом и положением.